

ORTHODOX CLERGY AND ITS PARTICIPATION IN THE PROCESS OF ADAPTATION OF MIGRANTS FROM THE TERRITORY OF AZOV COSSACK HOST TO TRANS-KUBAN REGION (1862–1866)

KIYASHKO Nikita V.,

Student, the Sretensky Theological Seminary, Moscow, Russia

E-mail: kiyashkonv@gmail.com

RYBKO Sofiya N., Cand. Sci. (National History),

Senior Researcher, Research Center of Kuban Traditional Culture,

Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russia

E-mail: ribkosn@mail.ru

An article reveals some aspects of the activity of the orthodox clergy in Trans-Kuban Region during the migration of Azov Cossack Host in 1862-1866.

Keywords: orthodox clergy, Azov Cossack Host, colonization of Trans-Kuban Region.

К. В. Скиба*

«АЗИАТСКАЯ БОЛЕЗНЬ» КУБАНСКОГО КАЗАКА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ЕЛИСЕЕВА

Данная статья посвящена вопросу межнационального культурного взаимодействия на основе оригинального слияния этнических культур адыгов и кубанского казачества.

Ключевые слова: Федор Елисеев, адыгская и казачья культуры, «азиатизм».

О Федоре Ивановиче Елисееве, одном из наиболее крупных военных историков и мемуаристов русского зарубежья, написано уже немало.

Его жизненные ценности и установки сформировались на основе трех элементов той казачьей культуры, к которой он принадлежал. С достаточной степенью условности мы назовем их:

– «старолинейный» (он был родом из «старолинейной» станицы Кавказской, где долгое время сам, будучи «никонианином», проживал на «бородатом и некурящем» староверческом «конце» станицы);

– «черноморский» (с момента прохождения службы в 1-м Екатеринодарском полку на правах вольноопределяющегося

* СКИБА Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии и декоративно-прикладного творчества Краснодарского государственного университета культуры и искусств г. Краснодар, Россия. Электронная почта: kv-220-85@mail.ru.

17-летний Федя Елисеев «буквально влюбился» в культуру кубанских казаков-черноморцев);

– «азиатский» (хотя сам Ф. И. Елисеев всю свою жизнь говорил и писал «азият», «азиятский» и т.д.).

В нашей статье мы рассмотрим «азиатизм», «азиатскую болезнь», которой Ф. И. Елисеев «заболел» с раннего детства...

Здесь совершенно уместным будет привести мнение Л. Н. Гумилева, приводившего фразу Ф. М. Достоевского: «если у французов есть гордость, любовь к изяществу, у испанцев – ревность, у англичан – честность и дотошность, у немцев – аккуратность, то у русских есть умение понимать и принимать все другие народы» [2].

«Кавказский вариант» такого «понимания и принятия других народов» описал еще М. Ю. Лермонтов в очерке «Кавказец» (написан в начале 1841 г., но увидел свет только в советское время в 1928 г.).

И надо сказать, что этот типаж – «существа полурусского, полуазиатского» был уже тогда достаточно массовым [7].

Вот, например, фрагмент впечатлений одного из очевидцев, увидевших Дагестан и Закавказье в начале 1830-х гг.: «Не правда ли, вы ожидаете от меня громких фраз, неистового изумления, вы уже приготовлены к сцене первой встречи с Черкесом?.. И точно: удивление мое чуть не превратилось в столбняк, только совсем от другой причины. Отчаянный наездник, безукоризненный Горец говорил самым чистым великороссийским наречием: это был русский офицер, по каким-то делам приехавший из соседнего отряда.

Кто же знал, что русские офицеры умеют маскироваться Горцами и притом так искусно, что «путешественник по Востоку» может принять их за чистых Черкесов?

Разумеется, офицер старался передо мною как перед новичком показать всю роскошь своего горского костюма, все удобства черкесского облачения, но я, профан, никак не мог взять на первый раз в толк, отчего чевяки, башмаки без толстой подошвы и каблуков, лучше наших сапогов, почему шашка рубит сильнее, чем сабля, отчего седло с деревянными уключинами спереди и сзади удобнее чисто кожаного, какое преимущество имеют широкие неуклюжие стремяна Горцев перед нашими и многое другое, чем офицер так гордился.

Мне казался странным русский человек в черкесском наряде, и я пятился от него, будто от иноземца, между тем как офицеры низового укрепления с восторгом созерцали его драгоценный кинжал и его бесценную шашку...» [1, с. 58].

Прошли годы и «азиатской болезнью» «заболел» маленький казачонок из станицы Кавказской Федя Елисеев...

Интерес к «азиатчине» зародился у него в раннем детстве, во время учебы в станичном двухклассном училище. Именно там, «в первом отделении», ему встретился новый ученик – «черкес Карбеч» из Хакуриновского аула Майкопского отдела.

Его «богатый отец» был большой кунак «деда Мазанова» по «какой-то интимной лошадиной стезе», у которого Карбеч жил во время учебы в станичном училище. Забегая вперед скажем, что училища Карбеч все же не окончил... [6, с.72].

В неизданной пока еще «Автобиографии»* [3] Ф. И. Елисеев описал свою первую встречу с ним так: «Я удивился этому, боялся его и думал, что при близкой встрече с ним он может меня больно ударить иль даже «полосонуть кинжалом». И каково же мое было удивление, когда этот Карбеч, плохо говоря по-русски, на все к нему вопросы кого-либо – он весело скалил свои большие белые зубы и... никого не бил.

Ученики 4-го и 5-го отделения, где были парни по 18 лет, им заинтересовались. Двое самых здоровых – Озеров и Сломов – предложили ему «побороться» с ними.

Карбеч вновь скромно скалил зубы, улыбался и никак не хотел идти на это. Что случилось, не знаю, но вот он схватился со Сломовым и в один миг положил на землю.

Вскочив, Сломов хотел еще раз схватиться, но Карбеч наотрез отказался. Тогда вышел Озеров (не казак). Черкеса уговорили вновь, и он, схватившись с Озеровым, так его бросил через голову, что того подняли и унесли куда-то.

У него была вывихнута нога, да так сильно, что этот Озеров, в моем представлении так и остался вечно ходящий с костылем и с перевязанной ногой.

После этого престиж Карбеча так взлетел наверх, что уже никто не решался с ним шалить. А он, дитя природы, от этого успеха как-то посерьезнел и был словно опечален.

Он был у нас только один год. Его я встретил потом, когда уже был хорунжим, в их ауле в 1913 г., то есть через 13 лет**...

* Рукописный текст «Автобиографии» Ф. И. Елисеева, который он вел в Финляндии и Индокитае в 1921-1940 гг., был передан сыном Федора Елисеева Георгием старшему научному сотруднику Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына Наталье Александровне Корсаковой и привезен ею в Россию, в Краснодар. Выражаю свою сердечную благодарность Наталье Александровне за возможность публикации части «Автобиографии».

** Подробный рассказ об этом – глава «В ауле. В гостях у черкесов» [6, с. 72–80].

В 1916 г. Карбеч был убит в бою против австрийцев, находясь в рядах Черкесского полка Кавказской Туземной (Дикой) дивизии» [3].

Следующая встреча с «азиатским миром» произошла у Федора Елисеева уже за пределами станицы Кавказской, во время его поездки в город Майкоп для поступления в Майкопское техническое училище имени императора Александра III, когда «мажара» с тремя казачатами и их родителями остановилась на ночлег возле Хакуриновского аула Майкопского отдела.

«Никогда я не забуду того чарующего впечатления, какое произвел он (аул. – К. С.) на меня тогда. В этот аул, в его обитатели со временем друзья причислили и меня, когда я молодым офицером «увлекался азиатизмом», от которого и теперь не отстал, то на вопрос друзей «какого аула», я отвечал – Хакуриновского. Со временем я так и был прозван – «азиат из Хакуриновского аула».

Боязнь черкесов в станицах была еще жива тогда. Я их не раз видывал у себя в станице с табунами лошадей, прибывавшим к нам «по-мирному», но здесь мы приближались к их постоянным жилищам.

Я почему-то ждал, что они даже могут на нас напасть и ограбить. Мы ехали леском на уставших лошадях. Вдали виднелся черный бор. То у аула были вековые дубы. Вот и аул. Вот и мечеть виднеется. Вот и школа русская.

Между дубами, в тени, отдыхают овцы и козы. А вот и пастух, молодой черкес, с ярмигой, в папахе, в изодранном бешмете, но при кинжале, лениво прислонился к дереву.

Мы остановились под тенью, не берегу р. Фарса, который летом почти пересыхает, а весной бурлит и смывает даже постройки. Теперь Фарс был мелкий, и в нем, еще невиданные мною, валялись в грязи некрасивые грязные буйволы черкесов.

Мы отпрягли лошадей и стали закусывать. Наши матери на дорогу нам изрядно наложили сала, колбасы, яиц, бурсаков и прочего станичного лакомства.

Я любовался видом аула, буквально не отрываясь. Вот идут два юноши-черкеса. Один в отличном бешмете, в красных чевяках, в маленькой папахе, а другой – в разодранном бешмете и папахе, старых чевяках, но оба в отличных, с вызолочкой, поясах.

Черкес в красных чевяках выглядел интеллигентно. Он подставил спутнику ногу и ловко бросил его на землю. Они игрались, шутили. Они скоро подошли к нам. Спросив их о чем-

то, мы узнали, что первый из них уже учится в Майкопском техническом училище, куда мы едем на экзамен, а второй – его работник.

Мы с величайшим удовольствием поговорили с техником об училище и сердечно расстались, обещая встретиться уже в городе.

В ночь мы тронулись дальше с легкою боязнью быть ограбленными или убитыми черкесом, который вдали, по равнине, гарцевал на своей горячей лошади. Я тогда уже прочитал Лермонтова, и его строки о черкесе: «Летал по воле скакуна, к войне заране приучаясь», – как нельзя характеризовали тогда картину... [3].

Прибыв в город Майкоп, в училище, в толпе поступающих в него мальчиков с родителями Федя Елисеев разглядывал «... до десятка черкесов, в дорогом, с вызолочкой, оружию, в длинных, чуть не до пят черкесках. Суровые, рослые и воинственные видом, и рядом с ними мальчишки-черкесы, словно волчата, поглядывают на всех «исподлобья» своими черными глазами. Мальчишки их тоже были одеты в бешметы, при кинжалах, в чевяках, расшитых галуном.

Я больше любовался черкесами, чем другими событиями, происходившими здесь. Видел их я и раньше, в станице, на нашей ярмарке, но мальчиков, и в массе черкесов, я еще не видел.

Меня сильно занимали их костюмы, которые хотя и носили и мы, казаки, но на нас, казаках, они сидели как-то иначе, не так стильно и красиво. Наш новый знакомый по Хакуриновскому аулу – Карбеч был в форме техника, но в своих красивых изящных чевяках и каракулевой шапчонке.

Я им сильно любовался и постепенно влюблялся...» [3].

Уже поступив в училище, Федор «...дружил сильно с черкесами. Мне они очень нравились своею стройностью и внешностью лица. Дружил я и с осетинами. Осетин я любил за их непревзойденную «лезгинку», физическую силу и ловкость. Меня они тоже любили, и я слыл среди всех техников «завзятым казакманом...».

Одна из причин завязавшейся дружбы Федора с «азиатами» – его «... молодечество, бойкость, драчливость», за что «меня очень любили черкесы и осетины... мы слыли среди них хорошими товарищами во всех групповых драках. Я и Ваня Сотников принимали главенство, и, пожалуй, где были мы, там всегда была победа.

От них я впервые научился их лезгинке и заразился духом «азиатизма», не ослабевшего нисколько и теперь. Иногда я даже

говорил черкесам, что на их месте я никогда бы не учился, а пас бы табуны лошадей, полуразбойничал бы, щеголял бы формой одежды, оружием, лошадьми и вообще был бы «свободный черкес».

Среди них были друзья: Докшоков (зверски убитый большевиками весной 1918 г.), Кетаов, Пшимаф Ажигоев, Шуманок (погибший в бою) и осетины – братья Баскаевы и Черов – Георгие-Осетинского селения Баталпашинского отдела.

Я был помешан на черкесах, на кинжалах, на чевяках, на лезгинке, на осетинских войлочных шляпах и тут же (в своих воспоминаниях Ф.И. Елисеев пишет и о сильном малороссийско-черноморском влиянии на его юную личность. – К. С.), рядом «на сыних штанях», «красных чоботах», «варэниках», «гопаке».

Все это меня разжигало, будоражило, приятно щекотало нервы...

Все это я культивировал в себе и уже тогда слыл «завзятым казаком». Я очень был заметен и в лезгинке, и в казачке среди всех техников» [3].

Еще один пример черкесско-черноморского влияния на уже 16-летнего юношу Елисеева – его первая поездка в город Екатеринодар, где, гуляя по улице Красной, он увидел «...в подворотне витрину открыток. Подхожу и мое сердце заклокотало – на открытках вся Украина, запорожцы, а вот и Кавказ – типы черкесов, кабардинцев, ингушей...

– Скорей, скорей надо купить! А то еще не достанется...», – думаю я и на свои «детские» карманные деньги накупаю на все их [3].

Прошли годы, и Федор Елисеев стал офицером 1-го Кавказского казачьего полка Кубанского казачьего войска, в составе которого он оказался на Кавказском фронте 1-й мировой войны [4].

Весьма характерным событием, показывающим уровень «азиатизма» в среде кубанских казаков, может служить совместное застолье офицеров Кавказского и Хоперского полков, во время которого «левый фланг» многочисленных хорунжих-кавказцев после необходимых официальных тостов «вырвал» власть у «правого фланга» матерых есаулов, уже затянул нашу, общую для всех кавказских войск традиционную застольную песню:

«Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом,
Алла-верды, Алла-верды...»

В ответ, также по традиции, несутся шумные овации хоперцев:

– Якши иол..! Чох саул! – и стаканы вновь полны...

– Славному и дор-рогому нам Пер-рвому Хоперскому полку «Мравол джамие»..! – кричит-провозглашает кто-то, – и все офицеры по традиции поднимаются на ноги и торжественно, словно гимн, поют эту замечательную и музыкальную грузинскую песнь «Многие лета»... [5, тетрадь 5].

Очередной «рецидив азиатской болезни» Елисеева, в результате которого он стал «кабардинцем Джебулатом», одним из «трех братьев Кабарды», произошел в 1915 г.

В самом начале 1915 г. во время боев на Кавказском фронте он познакомился и подружился с сотником 1-го Лабинского полка Колей (Николаем Гавриловичем. – К. С.) Бабиевым.

Долгими зимними вечерами, вызывая своих сотенных песенников, они «пели с ними песни, переплетая их лезгинкой с гиком, с гамом, с дикими выкриками, словно чтобы рассеять, забыть, отбросить, прогнать нашу тусклую боевую жизнь».

На одном из таких «концертных» вечеров Бабиев сказал ему:

– Джембулат! Вы будете наш «младший брат Кабарды!»

И тут же пояснил:

– Мой отец командовал сотней 1-го Лабинского полка в Закавказье. У него младшим офицером был хорунжий Доморацкий. Он был большим поклонником кавказских горцев, которым подражал во всем.

Я был тогда гимназистом. Приезжая из Баку на каникулы к родителям, я сбрасывал с себя гимназическую куртку и брюки, одевался в черкеску и во всем подражал Доморацкому. Он-то меня и выучил танцевать лезгинку.

С тех пор я прозвал его «мой старший брат Кабарды». Теперь появились вы, подобный нам, поэтому вас я окрестил – «младший брат», так как я становлюсь по рангу «средним братом Кабарды».

– Принимаю это, мой средний брат, – ответил я, назвав его Хаджи-Муратом в честь знаменитого и геройского соратника имама Шамиля, и это имя ему очень польстило.

Он мягко улыбнулся... приложил по-мусульмански ладонь правой руки к сердцу, потом ко лбу и, потупив по-восточному глаза, произнес по-татарски:

– Чох саул (очень благодарен).

С тех пор мы стали называться между собой «три брата Кабарды» с мусульманскими именами. И даже на своих визитных

карточках они писали: Доморацкий – Измаил, Бабиев – Хаджи-Мурат и Елисеев – Джембулат [5, тетрадь 7].

Однажды, во время совместного застолья с сибирскими казаками, «кабардинские братья» Бабиев и Елисеев в очередной раз показали себя настоящими «кавказцами».

«Мы сидим с ним рядом. Толкая меня в бок, он тихо говорит:

– Давай, Джембулат, вдарим лезгинку с тобой, чтобы показать ее сибирякам... Но ты выскакивай первым, а потом приглашай меня... и мы пойдем на пару.

– Якши-йол, мой старший брат Хаджи-Мурат, – отвечаю ему и тут же выкрикиваю единственное слово нашим полковым трубачам:

– Лезгинку!

Не буду описывать, как мы провели ее с Бабиевым. Хлопанье в ладоши, выкрики, дикий «бум» заразили сибирских казаков [5, тетрадь 9].

В заключение нашей статьи стоит привести еще один фрагмент книги «Казаки на Кавказском фронте», где в главе «Концерт Походному Атаману» ярко описана «кавказская лезгинка – главный гвоздь концерта кавказцев» (т. е. казаков Кавказского полка. – К. С.).

Во время концерта «...хор кавказцев, пятясь назад и мало обращая внимания на тех, кто их приветствует, расположился биваком перед декорациями сцены - лежа, стоя, сидя, кто как хотел.

Это была сцена «Кавказские горцы на биваке». И когда зал стих, сотник Павел Бабаев из-за сцены – тихо, грустно, словно издали – затянул своим густым баритоном протяжно:

Го-о-ре нам... Фе-е-зи к нам...

И хор так же тихо, грустно вступил:

С во-ой-ском стреми-ит-ся...

Где-е бы нам, ка-ак бы нам,

Бра-ат-цы, уккры-ыть-ся?..

Я не буду передавать содержание всей этой песни-лезгинки, так принятой в Кубанском и Терском войсках. По окончании ее все сорок пружинно вскочили на ноги, загикали, заалкали:

– Дэл-ла-дэл-ла! – и громко, сноровисто захлопали в ладоши...

И под этот дикий воинственный гул сорока голосов, хлопков, визга, крика-выкрика «Урса»! выскакивали пара за парой молодецких урядников первоочередного Кавказского полка.

Условились, что в танце не должно быть никакого перерыва. И вот, как только предыдущая пара делала несколько вариантов лезгинки, с диким криком выскакивала следующая – беспрерывно чередующиеся, как звенья одной стальной цепи. Восторг был исключительный [5, тетрадь 9]!

Из этого следует, что «азиатизм» Федора Елисеева не был чем-то исключительным в той среде, которой он принадлежал, но в нем эта черта выразилась более ярко и «идейно».

В августе 1919 г., «на узловой станции Курганная» Федор Елисеев встретил своего старинного друга по Майкопскому техническому училищу – корнета Черкесского конного полка Белой Добровольческой армии Татаршау Меретукова.

Приглашая его в гости, он сказал очень знаковую фразу:

– Ка-ак хочешь Федя, но ты должен поехать со мной к нам в аул. Тебе приятно будет видеть тех, которых ты не видел около шести лет*, – говорит Татаршау и добавляет: «Мы тебя считаем, словно, нашим черкесом» [8, с.72– 80].

Использованная литература:

1. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская типография, 1850. С. 58.

2. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории [Электронный ресурс] // От Руси до России. Лев Николаевич Гумилев. URL: <http://gumilev.narod.ru/p3ch04.htm> (дата обращения: 30.10.13).

3. Елисеев Ф. И. «Автобиография» (рукопись). Финляндия; Индокитай, 1921–1940.

4. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцать брошюрах-тетрадах. М.: Воениздат, 2001.

5. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте 1914–1917 [Электронный ресурс] // Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/library/Eliseeff-Kazaki/index.html> (дата обращения: 30.10.13).

6. Елисеев Ф. И. Первые шаги молодого хорунжего. М.: Рейтар, 2005.

7. Лермонтов М. Ю. Кавказец // Наследие. Искусство. Величие. URL: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/text/kavkazec.htm> (дата обращения: 30.10.13).

* В 1913 г. молодой хорунжий Федор Елисеев побывал в гостях в Хакуриновском ауле, где его едва не женили на красивой черкешенке-гармонистке по имени Зара (Зарема) [8, с. 72–80].

"ASIAN DISEASE" OF KUBAN COSSACK FYODOR ELISEEV

SKIBA Konstantin V., Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of Ethnography and Decorative Arts,
Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia
E-mail: kv-220-85@mail.ru

This article is studying the problem of the interethnic cultural interaction which is based on the interesting combination of the Adygian and the Cuban Cossacks' cultures.

Keywords: *Fyodor Eliseev, Adygian Culture, Cossack Culture, Asian style commitment.*